

В. М. РАУШЕНБАХ

ДЕРЕВЯННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА

Находки сохранившихся остатков деревянных жилищ неолитического времени чрезвычайно редки. В этой связи значительный интерес представляет анализ деревянных сооружений, обнаруженных на Горбуновском торфянике (среднее Зауралье).

В 1908 г. на Шестом разрезе Горбуновского торфяника рабочими были обнаружены остатки деревянного домика-«балаганчика». М. О. Клер, командированный Уральским обществом любителей естествознания для проверки этого сообщения, выяснил, что при выемке торфа в 300 м от восточного берега торфяника был обнаружен «мост», который начинался «балаганчиком», сохранившимся в виде пологой двускатной крыши, осевшей на мост¹. Никаких находок на крыше «балаганчика» не было сделано, а под ней лежал целый горшок (разбитый потом рабочими) и множество осколков кремня и камня; последние располагались кучками, что дало возможность М. О. Клеру высказать предположение, что здесь была мастерская кремневых орудий.

Несмотря на ценность обнаруженного на Горбуновском торфянике памятника, его планомерное исследование было начато только в 1926 г. Д. Н. Эдингом. К тому времени уже не сохранилось остатков «моста» и «балаганчика». Однако при дальнейших раскопках на глубине около 150 см Д. Н. Эдингом были обнаружены деревянные сооружения, которые он определил как настилы, лежавшие на топкой поверхности заболоченных островков и имевшие ритуальное назначение. Он считал, что на этих настилах периодически совершались жертвоприношения². Позже эта точка зрения стала общепринятой.

В 1947—1949 гг. раскопки на Шестом разрезе были возобновлены А. Я. Брюсовым и автором настоящей статьи. Непосредственные наблюдения, сделанные во время раскопок, дали основание считать деревянные сооружения Горбуновского торфяника остатками жилищ. Внимательный анализ результатов раскопок и неизданных отчетов Д. Н. Эдинга³ подтвердил первоначальные выводы и привел автора настоящей статьи к заключению, что неолитические жилища Горбуновского торфяника относились к так называемому болотному типу.

Ввиду того, что свое мнение о ритуальном назначении найденных им сооружений Д. Н. Эдинг развивал и подробно аргументировал в ряде статей, представляется целесообразным критически рассмотреть его аргументацию. Коротко она сводится к следующему:

а) Находки принадлежностей культа происходят из того же горизонта, что и остатки деревянных сооружений; предметы рыболовства и охоты относятся к более низкому слою⁴.

б) Настилы являются плотообразными сооружениями и поэтому не могли быть использованы для жилья.

в) Эти сооружения были окружены топью.

г) Размеры настилов столь малы, что сооружение на них жилищ было невозможно.

д) В комплексе находок доминируют ритуальные предметы.

Что касается первого положения — стратиграфического расчленения находок на горизонты, то здесь надо привести следующие данные. Как уже было показано автором настоящей статьи в другой работе⁵, два слоя находок, о которых говорит Д. Н. Эдинг, относятся к разным этапам развития горбуновской археологической культуры. При этом остатки деревянных сооружений встречаются в обоих слоях. Наиболее четко это распределение настилов по разным горизонтам прослеживается на одном из участков, где был обнаружен настил из жердей, а на 22 см ниже его, почти под ним, — другой настил. Как

¹ М. О. Клер, Заметка о деревянном мосте каменного века в Горбуновском болоте близ Нижне-Тагильского завода, «Записки Уральского общества любителей естествознания», XXIX, Екатеринбург, 1909.

² Д. Н. Эдинг, Идолы Горбуновского торфяника, «Сов. археология», IV, 1937, стр. 134.

³ Фонды Государственного исторического музея (ГИМ).

⁴ Д. Н. Эдинг, Резная скульптура Урала, Труды ГИМ, вып. X, М., 1940.

⁵ В. М. Раушенбах, Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, Труды ГИМ, вып. 29, М., 1956.

указывает Д. Н. Эдинг, «слой торфа, разделивший эти два настила, не содержал никаких включений и примесей, характеризующих культурный слой»⁶.

В данном случае мы имеем наиболее яркий пример, указывающий на то, что настилы относятся к разным горизонтам. Более подробный анализ показывает, что они соответствуют и разным культурным слоям. Точно так же находки предметов быта, культа, охотничьи и рыболовные снасти были найдены в обоих слоях⁷. Иными словами, производить искусственное расчленение комплексов находок, относя предметы, связанные с рыболовством и средствами передвижения, к нижнему горизонту, а предметы культа и быта — к верхнему, будет неверно.

Обратимся теперь к рассмотрению предположения Д. Н. Эдинга о плотообразном характере деревянных настилов и о существовании топи в месте их расположения.

Д. Н. Эдинг считал, что в то время, к которому могут быть отнесены настилы, «исследуемый пункт представлял часть заболачивающейся береговой полосы»⁸, процесс роста которой происходил, по его мнению, за счет плавучих торфяных островков. Скопление деревянных предметов именно здесь, у восточного берега, он объясняет как результат действия основного направления ветра — западного (господствующего и ныне на Горбуновском торфянике), вследствие чего вещи были прибиты волнами именно к этому месту. Далее он указывает, что «такие же островки могли и на древнем озере прикрывать предметы, погружившиеся в ил и запутавшиеся в корнях водяных растений; кроме того, эти островки могли служить основанием для настила и субстратом культурного слоя, возникшего почти одновременно с предметами, затонувшими и застрявшими в донном иле»⁹.

Если, следуя Д. Н. Эдингу, предположить, что плотообразные настилы устраивались на поверхности плавучих островков, то чрезвычайная топкость этих островков действительно исключала бы всякую возможность устройства здесь жилищ. Использование же таких островков для кратковременных культовых празднеств могло быть вполне реальным. Однако эти соображения Д. Н. Эдинга мало убедительны. Прежде всего, предположение об устройстве настилов на подобных островках совершенно не может объяснить большого числа находок, относящихся к разному времени. Д. Н. Эдинг пытается подкрепить это предположение тем, что «несомненно, на торфянике оставались незаросшие пространства, где под слоем воды в донном иле уже могли находиться затонувшие вещи и куда с настилов забрасывались «идолы», разбитая посуда и т. п.»¹⁰. Но если бы это имело место, то наблюдалась бы перемешанность в сапропеле ранних и поздних вещей, поскольку тяжелые вещи, независимо от времени их бытования, должны были погрузиться в ил значительно глубже, чем деревянные предметы, сравнительно долгое время плававшие на поверхности воды. Очевидно, упавшие в воду вещи должны были бы находиться на известном расстоянии от настилов, с которых их сбрасывали; между тем, как правило, во время раскопок отмечалось скопление вещей непосредственно на настилах и около них. Кроме того, при устройстве плотообразных настилов на плавучих островках совершенно невозможно употребление свай и кольев длиной до 2,5 м, так как эти островки очень топкие и толщина их незначительна.

Что касается топкости болота, на котором сооружались настилы, то этому противоречит ряд фактов. В непосредственной близости от некоторых настилов были найдены остатки мощных плей кедр. При этом некоторые из них располагались друг над другом, что указывает на сравнительную длительность сухого периода, когда поверхность торфяника могла зарости крупными деревьями. Кроме того, изучение характера культурного слоя и фиксации глубин отдельных находок дают ту же картину, что и раскопки культурного слоя обычных береговых памятников. Так, в нижнем культурном слое, расположенном в нижнем горизонте торфа и в верхнем горизонте сапропеля, встречены керамика, грузила, берестяные полавки, весла, деревянные «идолы», иглы для вязания сетей и т. п. В культурном слое, расположенном выше, найдены те же категории вещей, причем в этом слое на глубине 145 см обнаружен массивный медный топор, который при высокой влажности болота, благодаря своему весу, должен был бы погрузиться на наибольшую глубину. Более того, при детальном типологическом изучении отдельных групп предметов удается проследить, что находки в нижнем и среднем культурных слоях относятся к разному времени. Все это указывает на сравнительно сухую поверхность торфяника в момент его освоения. Об этом же говорят и анализы характера торфяной залежи¹¹. Таким образом, в момент сооружения настилов нижнего и среднего культурных слоев поверхность торфяника была слишком влажной, для того чтобы устраивать жилища непосредственно на торфе, и достаточно сухой, для того чтобы можно было жить на настилах.

Из всего сказанного очевидно, что местные условия позволяли использовать настилы не для каких-то временных посещений, а для постоянного жилья. Впрочем, по всей вероятности, поселение, соответствующее нижнему культурному слою, существовало недолго, на это указывает сравнительно небольшое количество найденных здесь вещей.

⁶ Д. Н. Эдинг, Новые находки на Горбуновском торфянике, «Материалы и исследования по археологии СССР» (в дальнейшем цит. МИА), 1, 1940, стр. 50.

⁷ В. М. Раушенбах, Указ. раб., стр. 21—25.

⁸ Д. Н. Эдинг, Резная скульптура Урала, стр. 8.

⁹ Там же, стр. 18.

¹⁰ Там же, стр. 10.

¹¹ В. М. Раушенбах, Указ. раб., стр. 68—85.

Обратимся теперь к вопросу о размерах жилища. Д. Н. Эдинг пишет, что «характер вещевого материала и незначительные размеры площадок из жердей не дают основания видеть здесь остатки жилых построек и подтверждают уже высказанную гипотезу о культовом назначении исследуемых экспедицией болотных сооружений»¹². Конечно, об истинных размерах площадок судить трудно, так как не во всех случаях они достаточно хорошо сохранились, но на некоторых участках глиняная обмазка, наносившаяся обычно на пол, часто распространяется дальше, за пределы сохранившихся настилов, причем во всех случаях она сопровождается находками большого количества керамики. Возможно, прав А. Я. Брюсов, который считает, что при определении величины площадок следует учитывать и границы распространения глиняной обмазки за пределами настилов¹³. Но даже если устанавливать площадь настилов только по сохранившейся деревянной площадке, то и в этом случае она составляет около 12 м² в одном случае, 8,5 м² — в другом, около 9 м² — в третьем и т. д. Эти площадки имели, следовательно, примерно ту же площадь, что и дома в свайном поселении на р. Модлоне¹⁴. Если учесть, что действительная площадь настилов была несколько большей, чем сохранившаяся ее часть, то размеры этих жилищ оказываются обычными для неолитического времени. Площадь настилов могла бы быть недостаточной для жилья, если бы их на самом деле окружала топь; в этом случае жилые постройки должны были быть меньше настилов. Но если настилы лежали на сравнительно сухой почве, то под жилище могла использоваться вся площадь настила, так как люди имели возможность ходить около него.

Торф был настолько плотен, что легко мог выдержать значительно большую нагрузку, чем каркасные жилища на помостах¹⁵.

Как уже указывалось, Д. Н. Эдинг считал, что характер находок — обилие найденных здесь предметов культа и скудость бытового инвентаря — является наиболее убедительным доказательством того, что на этих настилах происходили культовые сборища с жертвоприношениями. Он неоднократно указывал также на исключительно редкие находки мелких обломков костей птиц и животных, что якобы говорит об очень кратковременном пребывании здесь людей¹⁶.

Отсутствие изделий из кости и рога (широко представленных на находящейся поблизости стоянке «Стрелка») в месте расположения остатков деревянных сооружений, может быть, свидетельствует об особых свойствах торфа в этом месте, чем и объясняется совершенная разрушенность кости. Во всяком случае при обилии находок из кремня, глины и дерева вряд ли отсутствие костей животных может служить свидетельством малой продолжительности использования найденного сооружения людьми. Что касается обилия и разнообразия находок: огромное количество керамики, скребков, ножей, наконечников стрел, поплавков, весел и др., то они характерны для культурного слоя многих стоянок эпохи неолита и ранней бронзы. Основная масса находок обнаружена в наиболее повышенной части стоянки, где на 376 м² было найдено 17 067 предметов. Это — обычная насыщенность находками культурного слоя синхронного поселения, что с еще большей убедительностью доказывает жилой характер построек на Шестом разрезе Горбуновского торфяника. Около 700 предметов найдено на одном из настилов и вблизи него, около 400 предметов — на другом, около 600 предметов — на третьем, около 1400 предметов — на четвертом настиле и т. д. Из 22 тыс. найденных предметов — только четыре «идола» и восемь деревянных, возможно ритуальных, сосудов. Такое количественное соотношение между хозяйственно-бытовыми предметами и предметами культа должно быть признано обычным, как и присутствие «идолов» на площади поселения. Так, фигурка идола из кости была найдена на поселении в Веретье¹⁷, ритуальные фигурки из кости и глины — в Кубенино¹⁸, из кости и камня — на Волосовской стоянке¹⁹ и т. д.

Таким образом, ни стратиграфия, ни конструкция деревянных сооружений, ни степень влажности поверхности болота, на которой они были построены, ни, наконец, специфика находок не подтверждают предположения Д. Н. Эдинга об исключительно ритуальном характере деревянных сооружений, обнаруженных на Шестом разрезе Горбуновского торфяника.

Этнографические данные указывают, что у племен, ведущих образ жизни охотников-рыболовов, нередко существуют особые, отдаленные от места постоянного жительства священные места, где производятся соответствующие ритуальные действия. Для примера можно указать на священные изображения родовых предков у обских угров, помещавшиеся в родовых святилищах в селении рода или племени или, в боль-

¹² Д. Н. Эдинг, Резная скульптура Урала, стр. 14.

¹³ А. Я. Брюсов, Свайное поселение на р. Модлоне, МИА, 20, 1951, стр. 72—73.

¹⁴ Там же, стр. 20.

¹⁵ С. С. Коршунов в статье «Несущая способность залежей» («Торф. промышленность», 1946, № 9, указывает, что торф подобной плотности способен выдержать нагрузку до 20 тыс. кг на 1 м²).

¹⁶ Д. Н. Эдинг, Резная скульптура Урала, стр. 14.

¹⁷ М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера Европейской части СССР, МИА, 29, стр. 116, рис. 66.

¹⁸ Там же, стр. 38, рис. 11.

¹⁹ Фонды ГИМ.

шинстве случаев, в малодоступных уголках тайги²⁰. Весьма вероятно, что и у племен горбуновской культуры эпохи неолита и бронзы существовали особые, удаленные от места поселения жертвенные места. По нашему мнению, подобные жертвенные места следует искать не в болотистых низменностях Урала, а на возвышенностях, скалах или, как их называют на Урале, «камнях», или «каменных палатках». В непосредственной близости от Горбуновского торфяника находится скала Голый камень, венчающая одну из возвышенностей в окрестностях г. Нижнего Тагила. Обследование, произведенное Н. П. Кипарисовой в 1946 г., показало²¹, что скала являлась жертвенным местом ананьинского времени. С большой долей вероятности можно утверждать, что и в более раннюю эпоху жертвенные места находились на подобных же возвышенностях, а возможно, и в пределах поселения. Расположение жертвенных мест на возвышенностях,

Рис. 1. Деревянный настил на Шестом разрезе. Фото Д. Н. Эдинга

скалах вообще характерно для Урала (например, жертвенное место на «Шарташских палатках», скала Чертово городище близ Свердловска)²². Расположение специального жертвенного места на настилах Горбуновского торфяника было бы исключением из общего правила; кроме того, это не подтверждается археологическим материалом. Наличие идолов и других культовых предметов может говорить лишь о том, что в данном случае жертвенное место не было вынесено за пределы поселения. Но и тогда деревянные сооружения Горбуновского торфяника следует считать остатками поселения, а не специального, удаленного от жилья жертвенного места, как это предполагал Д. Н. Эдинг.

Рассмотрим несколько подробнее характер сохранившихся остатков жилищ.

Конструкция деревянных сооружений на Шестом разрезе Горбуновского торфяника весьма однотипна. В обоих культурных слоях настилы представляют собой небольшие площадки размером от $2,5 \times 3,5$ м до $6,1 \times 7,5$ м, образованные плотно положенными друг около друга жердями, бревнами или плахами (рис. 1 и 2). Жерди настила были уложены в один или два ряда на землю, образуя большей частью неправильной формы четырехугольную площадку. Под верхним рядом жердей или плах кое-где лежали поперечины из толстых жердей или обрубков бревен.

Сваи, чаще колья, расположенные обычно по краям настилов, по-видимому, должны были удерживать жерди или плахи настила от раздвигания. На Горбуновском торфянике, в отличие от поселения на р. Молдоне, сваи не являлись той конструктивной основой, на которую опирается пол жилища. Для этого свай на Шестом разрезе слишком мало. Они чаще всего недостаточно прочны (их поперечники не превышают 13 см; у большинства свай они еще меньше) и к тому же расположены по краям настила.

²⁰ В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских угров, «Сов. этнография», Сборник VI—VII, 1947, стр. 172.

²¹ Н. П. Кипарисова, Жертвенное место на Голем камне, «Первое Уральское археологическое совещание», Молотов, 1948.

²² Е. М. Берс, Археологическая карта Свердловска и его окрестностей, МИА, 21, стр. 270—271.

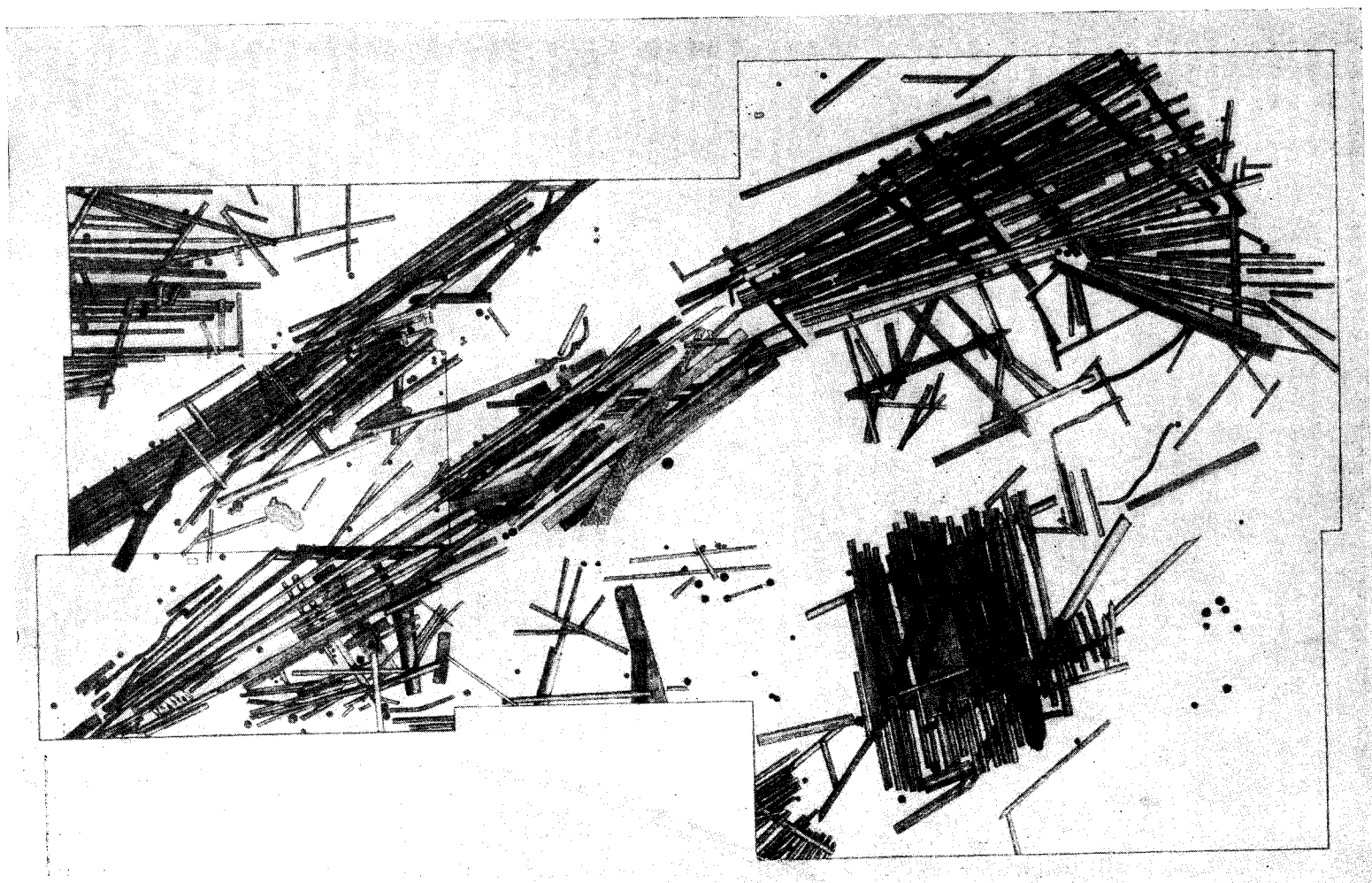

Рис. 2. Общий план настилов. Раскопки Д. Н. Эдинга в 1936 г. Чертеж Д. Н. Эдинга

Обычно колья или сваи, вбитые около настила или поодиночке в центре настила (между бревнами), возвышались над его уровнем от 22 до 75 см. Первоначально эти сваи были более высокими. Об этом свидетельствуют верхние концы свай, разрушенные гораздо больше, чем нижние. Видимо, в течение какого-то значительного промежутка времени настилы и сваи были покрыты слоем торфа, приблизительно в 50 см толщиной, а верхние части свай, возвышавшиеся над уровнем торфа, быстро разрушались под действием атмосферы: трухлявый верхний конец свай хорошо подтверждает это. Очевидно, высокие колья и сваи являлись каркасом для стен, которые могли быть плетеными из гибких прутьев. Д. Н. Эдинг в своих отчетах неоднократно отмечает насыщенность торфа над настилами и около настилов огромным количеством прутьев, палочек, веток и т. п. Та же картина наблюдалась при раскопках Модлонской стоянки, где такие прутья являлись остатками плетеных стен²³. Плохая сохранность этого переплетения может быть объяснена тем, что стены и кровля долгое время были подвержены действию атмосферы; в торфе же в дальнейшем они сильно расплющились.

Одиночные сваи, вбитые между бревнами в центре настила, могли служить опорой для кровли жилища, возможно берестяной, как это обнаружено О. Н. Бадером при раскопках стоянки Полуденка I²⁴. Поперечины, лежавшие под настилами, как правило, делались из более крупных бревен, чем жерди и бревна самого настила. Так, если жерди настила в основном имеют 4—8 см в поперечнике и лишь в единичных случаях достигают 9—11 см толщины, то бревна, служившие поперечинами, достигали 12—14 см в диаметре.

На всех раскопанных настилах Д. Н. Эдинг отмечал наличие слоя глины толщиной от 5 до 20 см. Совершенно очевидно, что эти слои глины были необходимы для того, чтобы выровнять пол дома и предупредить проникновение сырости. Подобная обмазка пола жилища глиной отмечается и А. Я. Брюсовым на Модлонском поселении.

Следов очагов и углей на настилах не встречено, но на некоторых из них прослежены большие черные пятна, как бы следы горения.

Значительно труднее объяснить наличие глиняных прослоек, встречавшихся иногда при раскопках вне настилов. Можно было бы предположить, что это — остатки рухнувших обмазанных глиной плетеных стен, но тогда остается неясным, почему эти глинистые включения часто сопровождаются большим числом обломков керамики.

Наличие настилов непосредственно на поверхность болота жердей, бревен или досок свидетельствует о том, что горбуновские постройки не являются свайными, как это считал А. Я. Брюсов²⁵; они пример так называемых болотных жилищ. На территории СССР типичными свайными постройками можно считать остатки неолитического поселения на р. Модлоне, от которых горбуновские сооружения резко отличаются. В то время как на р. Модлоне сваи имели средний диаметр порядка 15—18 см, а угловые — 22—25 см, здесь они много тоньше: от 6 до 13 см. При относительно малых поперечниках свай на горбуновском поселении их недостаточную прочность можно было бы компенсировать числом забитых свай, но материалы раскопок показывают обратное — значительно меньшее число их по сравнению с поселением на р. Модлоне (Модлона — от 20 до 49 свай на каждое жилище, Горбуново — от 5 до 11 свай). К тому же в остатках жилищ на Горбуновском торфянике не были обнаружены характерные для Модлонского свайного поселения более толстые сваи по углам жилища. Наконец, при постройке жилищ на Шестом разрезе Горбуновского торфяника сваи были просто не нужны — почва, на которой сооружались жилища, была достаточно сухой и плотной.

Таким образом, неолитическое поселение на Горбуновском торфянике состояло из группы сооружений болотного типа, находившихся вблизи от берега древнего озера (полностью заторфованного к настоящему времени), население которого занималось интенсивным рыбным промыслом²⁶. Так как жилища болотного типа сооружаются на настилах, лежащих непосредственно на поверхности почвы, то жители стоянки должны были покидать ее всякий раз, когда происходило общее увеличение влажности климата. Этим обстоятельством и объясняется наличие двух культурных слоев с остатками жилищ на Шестом разрезе Горбуновского торфяника, разделенных слоем торфа, который отложился в период относительного увеличения влажности климата. Рыболовы-охотники племен горбуновской культуры стремились, по-видимому, селиться вблизи береговой линии древнего озера. Только этим можно объяснить возникновение поселения на поверхности торфяника (а не за его пределами) в период, когда общее увеличение сухости климата позволило это сделать. Наступившее затем некоторое увеличение влажности заставило жителей покинуть стоянку, чтобы вернуться, как только влажность климата вновь уменьшится. Стоянка была покинута вторично при новом повышении влажности.

Описанный здесь процесс периодического изменения влажности климата подтверждается характером торфяной залежи на Горбуновском болоте, причем горизонты, соответствующие культурным слоям, синхронны периодам наибольшей относительной сухости климата²⁷. Вероятно, стремление племен горбуновской культуры жить в непо-

²³ А. Я. Брюсов, Указ. раб., стр. 18.

²⁴ О. Н. Бадер, Новый тип неолитического поселения на Урале, «Сов. этнография», 1949, № 2, стр. 148.

²⁵ А. Я. Брюсов, Указ. раб., стр. 73.

²⁶ В. М. Раушенбах, Указ. раб., стр. 117—120.

²⁷ Там же стр. 81—85

средственной близости от береговой линии было обусловлено типом их хозяйственной деятельности. Об этом говорят находки в культурном слое около жилищ (весла, вешала для сушки сетей, полавки и грузила от рыболовных снастей).

Что касается обнаруженных при раскопках идолов, то они могли находиться внутри жилищ. Во всяком случае, один из идолов был найден непосредственно у настила.

Д. Н. Эдинг дал в свое время подробное описание найденных идолов, трактуя их как объекты культа, установленные на специальных болотных сооружениях ритуального характера²⁸. Он пытается объяснить примитивность обнаруженных человеческих фигур (особенно бросающуюся в глаза при сравнении их с деревянными фигурами животных и птиц, найденными в тех же культурных слоях) тем, что духи-покровители были изображены в одежде и украшениях, закрывающих «условно переданную или совершенно не оформленную большую часть фигуры»²⁹. Многие приводимые Д. Н. Эдингом соображения, основанные главным образом на этнографических данных, весьма убедительны.

Очевидно, не все деревянные идолы племен горбуновской культуры хранились в жилищах. Найденный на Шигирском торфянике идол имел в высоту более 5 м и, видимо, стоял на открытом месте. Что касается идолов Горбуновского торфяника, то они сравнительно невелики (длина их равна приблизительно 1 м) и, следовательно, могли быть установлены внутри помещения. Один из найденных на Шестом разрезе идолов затесан в нижней части наподобие кола. Очевидно, он втыкался в почву, возможно — между жердями настила.

Установленный нами выше бытовой характер сооружений Горбуновского торфяника: обилие керамики, орудий промысла и труда, идет вразрез с соображениями Д. Н. Эдинга о культурном характере памятника и скорее доказывает, что мы имеем здесь дело с обычным поселением.

²⁸ Д. Н. Эдинг, Идолы Горбуновского торфяника, стр. 137.

²⁹ Д. Н. Эдинг, Резная скульптура Урала, стр. 66.